

23 МАР 1975

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

Иван

КОЗЛОВСКИЙ:

МУЗЫКА—
РАДОСТЬ
И БОЛЬ
МОЯ

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ с Иваном Семеновичем Козловским в канун его 75-летия в ложе Большого зала Московской консерватории. Он сидел, укрывшись за портьерой, и слушал симфоническую музыку. Уходя из консерватории, Иван Семенович остановился на углу улицы Неждановой, обернулся к освещенному прожектором памятнику Чайковскому и едва заметно благоговейно поклонился ему. Это не чудачество, а проявление чувства восхищения и благодарности всему, что есть Музыка...

— Музыка — радость и боль моя, — говорит Козловский. — Ради настоящей музыки мне приходилось отказываться от личных выигрышей в жизни, в карьере, во взаимоотношениях с людьми, стать «неуютным», терять друзей. Все было.

Каждую минуту жизни починаешь профессию — это программа, выполняемая только для людей, способных к подвигу. Не потому ли в последние годы среди любителей музыки и специалистов явилось понятие о «феномене Козловского» — о чуде многолетнего сохранения свежести его серебристого, редкой прозрачности тембра голоса, его артистизма и исполнительского выносливост?

— Опера жива, напрасно ей сулили увядание! Петр Ильич Чайковский вместе с Рахманиновым, Глинкой, Рубинштейном и другими классиками русской музыки особенно любимы и почитаемы в современном мире... Совсем недавно я выступал в Полтаве, городе моей юности и певческих дебютов, в широко популярной партии Петра из «Наталки-Полтавки» Лысенко. Пел в традиционных декорациях, в традиционном костюме, все мои слушатели знали нота в ноту и слово в слово всю партию Петра, но волновались заново, как заново, будто впервые, волновался я сам. В семидесятые годы вернулся к юности, в 1918-й... Незабываемо...

— Иван Семенович, вы прожили большую и насыщенную жизнь в искусстве. Было множество встреч. Сверхчеловеческим светом особым, не забытым, проникшим в нынешний день имена... Кто же больше всего запомнился, запал в душу?

— Попробую охарактеризовать само это явление — бессмертную память о большом художнике. В суетности жизни — это обидно! — мы подчас не оцениваем гениев по достоинству: мешают разные мелочи — то не нравятся характер, то фраза какая-нибудь покорила... В этом здании, в Московской консерватории, мы говорили с Сергеем Сергеевичем Прокофьевым, который предлагал мне и замечательному дирижеру Самосуду поставить его «Войну и мир» в Государственном ансамбле оперы, которым я руководил тогда. Сейчас произведения Прокофьева — украшение мировой музыкальной сцены, гордость советского искусства... Не могу без горечи вспомнить, как мы репетировали тогда. По ночам! Для нас не находилось дневного времени в графике репетиций, нам не давали сцену. А ведь мы готовили великого Прокофьева!.. У меня скверный характер, и это многому мешало. Но разве принципи-

альные люди, понимающие значение искусства, его подлинные ценности, этим должны руководствоваться? Вас удивляет, что я заговорил о грустных вещах в юбилейном интервью?.. Но ведь ленинское понимание юбилеев учит нас останавливаться именно на задачах нерешенных. Одна из серьезных задач — умение отбрасывать личные впечатления ради большого и полезного обществу дела.

— Но ведь вы, очевидно, встречали и людей, которые умели поступать именно так. Расскажите о них.

— Охотно! Помню, как я, двадцатилетний, был несправедлив к выдающемуся дирижеру нашего времени Николаю Семеновичу Голованову. Видите ли, он дописывал ноты в партитуру «Евгения Онегина» и требовал от нас их исполнения. Я репетировал Ленского и решительно воспротивился этому, как мне казалось, дирижерскому произволу. Голованов рассердился, назвал меня мальчишкой. Я снял с себя костюм Ленского и заявил: «Если хотите, пойте сами...»

До сих пор не могу себе простить этого поступка. Но Голованов по-иному оценил мое поведение. Он рассудил, что молодой артист, рискующий потерей места в самой почетной оперной труппе страны, не просто мальчишка с дурным характером. Он уважал принципиальность. И проявил высочайший педагогический такт, первым улаживая разгравшийся конфликт...

С благодарностью вспоминаю директора Большого театра старого большевика Александра Александровича Бурдукова. Директору совсем не обязательно было стоять за кулисами во время спектакля и волноваться за актеров. А он стоял и волновался. Удивительный человек, заботливый руководитель, который понимал, что театр — это прежде всего актеры, нуждающиеся в доброжелательном внимании.

— Когда вы впервые ощутили необходимость петь публично?

— Гм... А знаете, у меня никогда не было такой необходимости. Тяготение к музыке, к пению проявлялось само по себе, природа звала. Но коли уж это занимало и других людей, пришлось стать артистом.

— Самое сильное впечатление ваше от последних по времени произведений литературы...

— Удивлен талантом Владимира Солоухина, который редкостно верно передал мое мироощущение в рассказе «Золотое зерно». Я даже растерялся: сколь же безбрежно проникновение писателя во внутренний мир человека!..

— И последний вопрос: кого из молодых певцов вы отличаете?

— Прогнозы здесь опасны. Недавно слышал молодого тенора Великолепно пел. Но как-то пойдет дальше? По себе знаю: путь тернист и неровен. Об итогах лучше судить, дожив до юбилейных дат...

Беседу вел
Александр КРАВЦОВ